

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЛИНА

13

ЧАСТЬ ВТОРАЯ “ЭТИКА”

297

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ВЭЙ

361

БЛАГОДАРНОСТИ

533

~~~~~  
В ПАМЯТЬ ОБ  
И-ДАНГ ТРЫОНГ  
(1980-2022)  
~~~~~

Я СТАНОВЛЮСЬ СОБОЙ ЛИШЬ
ЧЕРЕЗ МОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТЫ;
СТАНОВЯСЬ Я, Я ГОВОРЮ ТЫ.
ВСЯКАЯ ПОДЛИННАЯ ЖИЗНЬ
ЕСТЬ ВСТРЕЧА¹.

МАРТИН БУБЕР
“Я И ТЫ”

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛИНА

I

Полвека тому назад, когда мне было семь лет, мы с отцом в сезон дождей добрались до “Моря”. Уже наступил вечер, и дома на фоне темного неба выделялись разноцветными окнами. Я помню, как, сойдя со шлюпки, мы брели до берега в воде, как пересекли песчаную полосу и, оказавшись перед выцветшей дверью “Моря”, вошли. В коридорах стояла духота, было шумно, везде, куда ни глянь, люди, и мне тут же захотелось на воздух. Но отец отыскал свободную комнату, где мы вместе с другими спутниками нашли приют. День, а то и два я попросту отсыпалась.

Проснувшись, я увидела, что отец стоит у окна, засмотревшись на что-то; на что — я не видела и не слышала. Его желтый свитер ярко выделялся на голубом фоне.

Не прошло и нескольких дней, как наши попутчики начали разъезжаться. Они битком набивались

в шлюпки, перевозившие их к грузовым судам, — суда, медленно скользя по воде, в конце концов скрывались за горизонтом.

А мы оставались. Отец болел, и мы все ждали, пока ему станет лучше. Он говорил, что на следующей неделе, а может, через неделю мы поедем дальше и нагоним тех, кто опередил нас.

Вблизи пляжа, у входа, известного как Западные ворота, свободного жилья не было, однако, отойдя немного, мы обнаружили пустовавшие дома. Каждый вечер мы заходили все дальше вглубь этой обособленной территории. Ходили слухи, что поначалу здесь располагался форпост. Но основавшая его империя распалась, соседние страны за прошедшие столетия утратили к нему всякий интерес, и земля стала ничейной. Те, кого обстоятельства вынуждали исчезнуть, кто оказался человеком без национальности, находили здесь убежище: они громоздили квартирki одна на другую, пристраивали, пока не возникли сотни домов, образующие причудливые фигуры, огибая друг друга, а то и врезаясь один в другой. Их обитатели дали своему новому жилью название “Море”. Но это давняя история, и те, прежние жильцы, а было их ни много ни мало шестьдесят тысяч, уже рассеялись по миру.

Теперь целые здания стояли заброшенными, крыши их, потрепанные ураганами, обрушились. Некоторые дома погрузились в мертвую тишину, как будто в них дни напролет царилa ночь, и жильцы спали; в других же домах царило оживление, особенно когда целые семьи одновременно вселялись или выезжали. Не раз мы с отцом часами гуляли по округе, никуда не сворачивая и не петляя, и, од-

нако же, каким-то непостижимым образом всегда натыкались на Западные ворота. Невероятно! Еще мы со временем поняли, что в этих местах легче ориентироваться по крышам: их плоские поверхности составляли своего рода дорогу через “Море”, пеструю, словно из лоскутов.

Как-то днем во время прогулки мы исследовали одну лестницу: ее ответвления, казалось, возвращали нас к ней же. У меня возникло ощущение, что если я пойду по ответвлению, то окажусь позади нас, а то и над нами, как будто спускалась с разной скоростью. Поразившись этому, я спросила у отца:

— Где это мы?

Он глянул в круглое окно.

— Похоже, у северной границы... Впрочем, я не уверен.

— А почему лестница такая странная?

Солидной постройки лестница, сложенная из добротных материалов, казалась сотканной из воздуха, из пустоты.

Какое-то время отец пристально изучал зеленую плитку на стенах.

— Здесь другое время.

— Это как? Другой часовой пояс?

— Вроде того. А вот скажи мне, Лина, та большая вода, что снаружи... по-твоему, это что?

— Южно-Китайское море.

Отец кивнул.

— Согласен. Но у других на этот счет может оказаться иное мнение.

Вечером мне повстречалась пара, муж и жена, они торговали отрезами хлопчатобумажной ткани.

Когда я полюбопытствовала, мол, что они видят в окне, мужчина сказал:

— Балтийское море. Этот оттенок, эту синь я ни с чем не спутаю.

Женщина, окинув меня настороженным взглядом, промолчала.

Ничуть не смутившись, я стала заговаривать с каждым, кто попадался мне на пути, и всем в итоге задавала этот самый вопрос. Чаще всего мне в ответ снисходительно улыбались: как будто такое могло прийти в голову лишь маленькой девочке, не знакомой с реальным миром. Но встречались и такие, которые испытывали неловкость, точно я подталкивала их к откровенной лжи или, скажем, предлагала вместить в сложенные лодочкой ладони целый речной поток.

Одна женщина, возмущенно стукнув тростью об пол, фыркнула:

— Это же река Атрай¹ в пору разлива в долине Депа²! И чему вас только учат на уроках географии?

Другая со скучающим видом отмахнулась:

— Атлантический океан, что же еще!

Никто из моих знакомых не думал задерживаться здесь дольше необходимого. “Море” для них было лишь перевалочным пунктом на пути к лучшей жизни.

Окружавшая нас вода редко бывала спокойной. Волны то вздымались подобно горам, то становились гладкими, подобно равнинам: как будто исполинское существо с чешуйчатой спиной задевало небо, оставляя на нем следы ряби. Вдали мелькнула темно-синяя

1 Атрай — река в северной части Бангладеш и Индии. (Здесь и далее, если не указано иное, — прим. перев.)

2 Депа — долина в Индии.

тень, и мне подумалось, что это наверняка та самая земля, которую мы оставили. К тому времени мои воспоминания о Фошане¹ начали терять былую остроту. Когда я пробовала вызвать в памяти черты лица матери, тети, старшего брата, мне как будто что-то мешало, не давало раскрыть глаза и увидеть.

Я часами всматривалась в линию горизонта, пытаясь разобраться. Наконец не выдержала и спросила отца:

— Все-таки что это? Если не Южно-Китайское море, то что?

— Я тебе уже сказал. Кстати, вообрази: когда в “Море” возводили дома, кирпичи скрепляли раствором из времени.

Мне было семь лет. Я догадывалась, что отец меня разыгрывает, и в то же время смутно подозревала, что он говорит правду.

Отец взялся объяснить на другом примере. Сказал, что я все сразу пойму, надо только взять кусок веревки и, сложив внахлест и пропустив концы через образовавшийся центр, стянуть его в плоский узел. А я все разглядывала отца: осунувшееся лицо, запыленные очки в черной оправе, взъерошенные волосы, которые, и года не прошло, совсем поседели...

— Веревка — время, узел — пространство, — подытожил он. — Однако они одновременно и то, и другое. Поняла?

От стука входная дверь в нашу комнату задребезжала. На пороге возник мужчина, одетый целиком, с головы до ног, во все бежевое. И вместе с ним —

1   Фошань — город в южной части Китая, провинция Гуандун.

четверо ребяташек; тесно прижимаясь, они льнули к нему со всех сторон. Мужчина попросил о помощи — надо было починить бак на крыше по соседству. Спускаясь по лестнице, он уже скрылся из виду, а голос его все звучал, доносясь словно эхо:

— Это для нас с вами случившееся — катастрофа, конец всему. Ну а дети приспосабливаются гораздо легче. В наше время чем меньше они знают, тем счастливее их жизнь.

Мы жили в “Море” уже с месяц, когда развели квартал, где жизнь была налажена гораздо лучше. На самом верхнем этаже, куда вели двенадцать узких лестничных пролетов, находилась меблированная комната с двумя окнами. Свет проникал с севера и запада, вливаясь двумя потоками, которые соединялись в середине комнаты на полу.

— Ну, как тебе?

Я стояла в солнечном перекрестье.

— А что, красные занавески симпатичные...

Отец велел мне никуда не уходить, а сам пошел забрать вещи.

В комнате стояли стол, кровать, большой мягкий диван и невысокий книжный стеллаж.

Взобравшись на стол, я загляделась в окно. Незвизирая на непогоду, люди, ожидавшие на песчаном берегу, упорно не расходились, опасаясь потерять свои места. Когда шлюпки подошли, тем, кто ехал семьями, пришлось потолкаться в очереди — больше всего они боялись оказаться разлученными, попав в разные шлюпки.

Время шло, и все вокруг размыло, словно грязное пятно потоками дождя. Заполненные шлюпки отбыли, появились сборщики утиля в поисках оставленных сокровищ; вскоре берег выглядел так, будто его вымели дочиста. Небо прояснилось.

Наконец вернулся с нашими пожитками отец. Он сказал, что, хотя и шел отсюда кратчайшим путем, сверяясь с крышами, все равно дорога до Западных ворот заняла больше часа.

Я показала в сторону горизонта.

— Вон, там! — выговорила я, едва сдерживая радость. — Гляди, как близко от нас Фошань. Сразу за тем кораблем!

Отец выглянул из окна.

Надо только стоять тихонько, не шелохнувшись, и позволить прошлому нагнать нас, поравняться с нами. Вот что я чувствовала, хотя и не могла передать словами.

— Никакой это не Фошань, — сказал отец. — И вообще, там сплошная вода.

Он устало опустил на один из стульев в комнате.

— Знаешь, Лина, не терзай себя понапрасну. Мой тебе совет: не принимай желаемое за действительное, иначе в жизни тебя ждут сплошные разочарования. Мир не таков, каким ты его себе представляешь, мир гораздо шире наших самых смелых о нем представлений, иногда я даже думаю, что нам дано больше, чем мы того заслуживаем.

Вдруг лицо отца побагровело. Это из-за болезни: когда случался приступ, в груди у него будто кололо ножом. Он согнулся, всем телом подавшись вперед, словно стремясь облегчить страдания.

Устыдившись своих глупых вопросов, я помчалась за стаканом воды.

В тот вечер мы разобрали вещи, времени это заняло у нас всего ничего. Три наши книги папа определил на полку стеллажа: рядом лежали овощечистка и большой нож, стояла фотография семьи.

Почти пятьдесят лет миновало с тех времен, а я по-прежнему слышу его слова, они звучат как предостережение: “Мир, который мы заслуживаем. Мир, который мы способны вообразить”. Теперь, когда я пытаюсь снова отыскать дорогу к “Морю”, они служат мне напоминанием, призывая к осторожности.

Когда мы жили в Фошане, отец, по профессии системный инженер, занимался управлением системами киберпространства. Сначала он работал на государство, потом — против него. Про мою мать, тетку или брата он никогда не заговаривал. А лишь твердил, что вынужденное бегство из страны обернулось для нас благом, что мы вырвались из лежащей в руинах империи, из этой комнаты с кривыми зеркалами, где порядочному человеку легко пойти на сделку с совестью, причем он сам этого может даже не заметить.

— Все, отныне ни минуты впустую, — любил повторять он. — Нас ожидает совсем другая жизнь.

Папа, когда произносил эту свою речь, обыкновенно обходил комнату, наводя порядок среди вещей — памятных, еще из Фошаня: зеленой скатерти, сшитой тетушкой О, покрывала на кровать с рисунком созвездий Южного неба, и повседневных, кото-

рыми мы обросли в нашем путешествии: баула с одеждой, четырех тарелок, двух чашек и прочего.

Тешу себя надеждой, что красиво вышитая скатерть и затейливое покрывало до сих пор украшают жизнь какой-нибудь семьи. Когда я уезжала из “Моря”, то взяла с собой только то, что никак не могла оставить. К примеру, записные книжки отца с уравнениями и пояснениями к ним; на их обложках красовалась фиолетовая эмблема Университета Цинхуа¹ с девизом “Требовательность к себе и служение обществу”. Взяла с собой и единственную сохранившуюся семейную фотографию. На ней мне шесть лет, Вэю девять. Вэй изображает робота, отец стоит, приобняв тетушку О, которая опирается на трость, у мамы в одной руке горшок с цветком, другой она держит меня. Рассматривая фотографию, я вспоминаю ощущение тепла от ее руки: мама тогда положила руку мне на плечо, рассеянно поглаживая. В небе над нами белеет купол Дома народных собраний², что в районе Большого залива³; купол плавно изгибается, напоминая морскую раковину.

В нашей квартире на двенадцатом этаже эта фотография стояла на полке возле трех книг, единственных захваченных с собой. Книги были частью серии

- 1 Университет Цинхуа — один из ведущих вузов Китая, основан в 1911 г., находится в Пекине.
- 2 Дом народных собраний — место проведения государственных, партийных, дипломатических и культурных мероприятий; находится в г. Фошань.
- 3 Большой залив — Большой залив в районе Гуандун — Гонконг — Макао — крупная экономическая зона, включающая 9 городов провинции Гуандун (в том числе Фошань), а также специальные административные районы Гонконга и Макао. Один из самых густонаселенных районов Китая.

из девяноста томов под названием “Жизнь великих путешественников”, которой брат прямо-таки зачитывался. Мы с ним часами могли разыгрывать сценки из приключений, описанных в этих книгах. От Вэя мне доставались роли все больше непростые — полководца, советника, тигра, — и мы боролись друг с дружкой, катаясь по полу и изрыгая проклятия, затевали пиры и являли беспримерную храбрость в испытаниях. Каждый вечер брат читал мне перед сном; он продолжал читать, даже когда глаза мои уже слипались. Голос брата убаюкивал, я то проваливалась в сон, то снова просыпалась. Каждая книга из этой серии предварялась одним и тем же эпиграфом:

Будучи лишен возможности отблагодарить вас подобающим образом, я завещаю вам то, что остается единственным, но зато самым драгоценным из моего достояния, а именно образ жизни, которого я держался.

Когда мы уезжали из Фошаня, папа упаковал с собой тома третий, семидесятый и восемьдесят четвертый. Жаль, что не взял первый, в котором рассказывается о жившем в эпоху Мин мореплавателе Чжэн Хэ¹. Или двадцать третий — о неутомимом в своих странствиях арабском купце Ибн Баттуте². Иллюстрации из тех томов до сих пор стоят у меня пе-

1 Чжэн Хэ (1371–1433) — китайский путешественник, флотоводец и дипломат, возглавлявший семь военно-торговых экспедиций, направленных императорами эпохи Мин в страны Индокитая, Индостана, Аравийского п-ова и Восточной Африки.

2 Ибн Баттута (1304–1377) — арабский путешественник и купец, этнический бербер.

ред глазами. И уж совсем непонятно, почему папа с его научным складом ума не взял шестой том — об Альберте Эйнштейне. Или одиннадцатый — о зарождении алгебры; как сейчас слышу брата, читающего первую строчку: “О жизни Аль-Хорезми, ученого из Средней Азии, доподлинно известно очень немного”. Отец оправдывался тем, что, собираясь в суматохе, сунул книги, не глядя на их названия. Самые зачитанные пропустил, взял тома поновее, какие реже снимали с полки. А то и вовсе ухватил что под руку подвернулось.

В течение первых нескольких недель после отъезда из Фошаня отец читал мне из этих томов, беря их по порядку. В томе третьем говорилось о поэте Ду Фу¹. Том семидесятый повествовал о философе Барухе Спинозе. Том восемьдесят четвертый — о писательнице Ханне Арендт. Папа рассказывал, что все эти личности, каждая в свое время, были весьма популярны в Китайской Народной Республике. Тома серии “Жизнь великих путешественников” были снабжены сложенными в несколько раз подробными картами. В главах описывались чудесные спасения героев, душевные терзания, дерзкие покушения на убийство, подлые предательства — все это увлекало, постоянно держа в напряжении. Иногда отец прерывал чтение, восклицая: “Нет, ну как же так!” Или раздражался смехом, хлопая себя по колену: “И выдумают же!” На мою жалобу, что, мол, герой из семидесятого тома всю жизнь просидел безвылазно в родном городе, отец заметил: вовсе не обязательно плавать по морям-океа-

1 Ду Фу (712–770) — китайский поэт эпохи Тан.